

С.А. Фомичев

Репетилов

В образе Репетилова пародийно отражены судьба и характер Чацкого, вплоть до отдельных деталей. Чацкий «славно пишет, переводит», — Репетилов «лепит» вшестером водевильчик. Чацкий был «с министрами в связи», «потом разрыв» — Репетилов «зять министра», и также в ссоре со своим тестем. Между прочим, и появление («при самом входе падает со всех ног»), и исчезновение Репетилова со сцены («Пооди, сажай меня в карету, / Вези куда-нибудь») пародийно соответствует тому, как врывается на сцену и покидает ее Чацкий («Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног», «Карету мне, карету»).

В отличие от других персонажей «Горя от ума», на Репетилове, наряду с московским, чувствуется и «петербургский отпечаток». Именно в Петербурге он пытался устроить свою карьеру, именно там (на Фонтанке) он построил свой дом рядом с жилищем тестя-министра. И все втуне: «Приданого взял — шиш, по службе — ничего». Бросив нелюбимую жену и детей, Репетилов вернулся в Москву, где он свой человек, даже член престижного Английского клуба, куда чужаки не допускались.

Совершенно бесспорна неосновательность замечаний некоторых мемуаристов и критиков о «замыслах декабристов», отношение к которым Грибоедов якобы выразил в ответе Чацкого Репетилову: «Шумите вы — и только?» Ответ этот на самом деле звучит издевкой над Репетиловым, отдающим лишь дань моде, опошляющим революционные идеалы, выразителем которых выступает в комедии Чацкий. Что же касается комедии «Горе от ума», то, как это верно отмечает в своих воспоминаниях Завалишин, «осмеяние Репетилова не могло иметь тогда в глазах следователей такого значения, какое ему приписывают, по той причине, что комитету очень хорошо было уже известно, что именно-то самые серьезные члены Общества и восставали сильнее против всех Репетиловых».

О декабристском подтексте спонтанной болтовни Репетилова оригинальную точку зрения развила Е. Цимбаева:

«Фамилия его означает “повторяющий”, а на сцене его нередко изображают комическим двойником Чацкого. В этом-то его значение для автора! Все то, что не мог позволить себе сказать Чацкий; все то, что не мог позволить себе сказать автор, — он вложил в уста Репетилова. Цензура решила бы, что высокие идеи и умные мысли осмеиваются болтовней Репетилова, но ведь тот и сам осмеивается, сам показан ничего не понимающим, ни в чем не разбирающимся переносчиком непонятных ему речей: “Я сам, как схватятся о камерах, присяжных, / О Байроне, ну о матерях важных, / Частенько слушаю, не разжимая губ; / Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп”. “Камеры, присяжные” — это прямой намек на споры об английской парламентской и судебной системах и возможности их введения в России; Байрон здесь упомянут не как поэт (к 1823 году он почти перестал публиковаться), но как борец за независимость Италии и Греции, как символ революционного и освободительного движений, чьи тактика, успехи, неудачи интересовали будущих декабристов. Фактически Грибоедов через болтовню Репетилова сообщает зрителям о чьем-то желании ввести в России представительное правление — может быть, даже путем революции. Если Репетилов этого не понимает, зрители могут сделать скидку на его комическую глупость, а сами понять серьезность затронутых им тем! Более того, он соображает, кому и что говорит. Чацкого он пытается взять на заседание секретнейшего союза, где нужны его ум и знания; а Скалозуба зовет, хотя к тому же “князь-Григорию”, только на шампанское. Загорецкого он никуда не зовет и с ним разговаривает о водевиле. Старухе Хлестовой он и про водевиль не говорит, а обещает исправиться и поехать к жене. Словом, он умеет, даже в разболтанном состоянии, применяться к разным людям. Грибоедов это подчеркнул: с будущим тестем и тещей Репетилов “пускался в реверси” — сложную и своеобразную игру, своего рода карточные “поддавки”, в которую сознательно и часто проигрывал (“Ему и ей какие суммы спустил...”), что нелегко, тут надо быть мастером своего дела. Скалозубу Репетилов признается в своей неприязни к немцам, вполне обоснованно полагая, что полковник, как служака аракчеевского толка,

не должен любить остзейских соперников по армии. А с Чацким он говорит о тайных собраниях... Значит, он думает или прямо знает, что тому интересна эта тема? Сам Чацкий ничего не может об этом сказать — некому, да и неуместно на балу в чужом доме. Почему Пушкин решил, что Чацкий “мечет бисер перед Репетиловыми”? Напротив, ничего, кроме резкостей вроде “полно вздор молоть” и “ври, да знай же меру”, он ему не отвечает. Зато Репетиллов говорит за двоих. Конечно, его “секретнейший союз” по четвергам в Английском клубе выглядит смехотворно. Грибоедов собрал ему в приятели-заговорщики разных шалопаев, картежников и крикунов во главе с графом Федором Толстым-Американцем. Но пусть смешон репетиловский союз, пусть пародиен, — в основе всякой пародии лежит какой-то истинный факт. Если пустоголовые франты и шулеры собираются для политических разговоров, подражая кому-то, значит, им есть кому подражать <...>. Не будь у Репетилова задачи — довести до зрителей передовые идеи и мысли, — он был бы просто лишним».

В. Ушаков впервые попытался осмыслить особую трактовку якобы, по замыслу, несценического образа Репетилова:

«Роль Репетилова есть также необыкновенное создание и едва ли не труднее роли Фигаро. Явиться на сцену в конце пьесы и не сходя с места более четверти часа занимать публику... чем? Пустословием, совсем без характера, без действия! Это почти то же, что исполнять пиесу одними руладами, без мотива, без пенья и без аккомпанемента! Каково должно быть искусство! Тебе известно, что Грибоедов писал эту роль не для актера, а для пьесы, хотя он и желал видеть в этой роли Сосницкого. Но легко ли выполнить написанное, прелестное, очаровательное при чтении, до такой степени, что все знают наизусть пустословие Репетилова. Каким воображаем мы себе это лицо? Разберем. Репетиллов приезжает на вечер, когда все разъезжаются; он вбежал опрометью в сени и упал у дверей; он видит давно знакомого Чацкого и начинает делать ему объяснения в самой пламенной дружбе, сопровождаемые торжественными клятвами, так что Чацкий при первой встрече убеждает его кончить этот вздор. Вдруг Репетиллов начинает себя унижать, называть неучем и дураком!.. Потом спрашивает: который час? Так толкует о суетности светской жизни и балов. После высказывает полное признание в своей беспутной жизни, справедливое или вымышленное — неизвестно. Засим объявляет о своих связях с умнейшими людьми и описывает в карикатурном виде там то, там другое, третье... после всех разговоров в памяти его осталось только то, что он завел *дельный разговор про водевиль*, о чем едва ли было сказано пять слов! Что это за человек? Крикун, болтун, который торопится жить и говорит как будто на курьерских, погоняя свое время: скорее, скорее... в могилу!.. Актер не может иметь другого понятия о бесхарактерном характере этого лица. И Сосницкий это понял, но он не имел физических средств разыграть эту роль таким образом. В этом затруднении он прибегнул к искусству, так сказать, ловко вывернулся <...>. Сосницкий заставил Репетилова <...> выпить с другим пустомелею бутылку шампанского <...> несколько охмелевший Репетиллов летит к Фамусову, вероятно для разогнания тумана винных паров. Язык Репетилова уже не так поворотлив, и он высказывает всю свою дурь несколько протяжно и запинаясь. И все это было превосходно исполнено несравненным Сосницким! Хвала и честь искусству отличного актера! Но, отдавая справедливость его уму, его изобретательности, ловкости его уверток в затруднительных случаях — я объявляю по совести, что Репетиллов-Сосницкий был Репетиллов искусственный, а не настоящий, и не может служить образцом своим последователям...»

Оригинальной была трактовка Репетилова Достоевским — в качестве униженного и оскорбленного. Он находил, что «наши актеры не понимают» комедию, «в особенности роль Репетилова», которым он очень восторгался... «Наши актеры изображают Репетилова комиком». Он же считал этот тип «глубоко трагическим». Достоевский часто читал своим детям эту комедию и объяснял ее им, «что в конце концов у него явилось желание самому сыграть эту роль для того, чтобы показать, как он понимал ее. Он сообщил о своем намерении некоторым друзьям, предложившим ему устроить у них любительский спектакль и представить последнее действие бессмертной комедии. В Петербурге много говорили об этом интересном спектакле».

«Мой отец, — вспоминает дочь писателя, — хотел выступить перед публикой, лишь когда он будет хорошо подготовлен, и играл только перед своими детьми. Как всегда, он страстно увлекал-

ся новой идеей и играл очень серьезно, вскакивал с пола, как бы упав при входе в комнату, жестикулировал и декламировал. Полные удивления, мы следили за его игрой...»

За десять дней до смерти он размышлял в присутствии А. Суворина:

«Чацкий ему был несимпатичен. Он слишком высокомерен, слишком эгоист. У него доброты совсем нет. У Репетилова больше сердца».

Такая трактовка была развита В. Рецепттером:

«Одним из первых, кто пытался по-новому взглянуть на Репетилова, был А. Григорьев, но и ему казалось, что поздний гость больше “врет” и наговаривает на себя, хотя “...его разгоряченное воображение полно самыми дикими идеалами. Он ведь человек хоть понаслышке образованный: он о безобразном разврате Мирабо слышал...” Упоминание о Мирабо здесь особенно интересно. Одно из первых лиц Великой французской революции, человек легендарного красноречия, огромной личной отваги и в то же время нравственной, точнее, безнравственной вседозволенности и несдерживаемого женолюбия, он сумел построить собственную биографию как авантюрный роман. Естественно, что о нем могла зайти речь и “у князь Григория”, где обсуждались “важные матерьи” и такие фигуры, как, например, “Бейрон”, который, в свою очередь, находил Мирабо личностью, достойной подражания... Но, помимо реальной достоверности, признания Репетилова и впрямь несут на себе отсвет трагического мироощущения. Так может чувствовать себя человек заблудший и отверженный <...> Рассказ Репетилова “о клобе” Пушкин относил к “чертам истинно комического гения”. Но, кажется, еще никто и ни разу не попытался обнаружить безусловный скепсис и чувство юмора у самого Репетилова. А между тем это было бы так естественно. Неужто он и впрямь так глуп, что способен всерьез восхищаться персонажами, которые вызывают наш дружный смех? Стоит однажды допустить, что это не так,— и вся картина получает неожиданное освещение <...>. Путь непутевого Репетилова можно следить издали и задолго до того, как споткнулся о порог фамусовского дома. Не нынче началась сегодняшняя усталость этого горького шута, не сегодня и не случайно стали рождаться его трагические парадоксы <...> К Фамусову Репетилов попадает из Английского клуба, туда же пытается затащить сначала Чацкого, а вслед за ним — и Скалозуба. Но почему он примчался оттуда? И с какой целью хочет вернуться непременно с кем-нибудь? Или и там Репетилову плохо и одиноко? Во всяком “сумасшествии” должна быть своя система <...>. Убежать от себя, спастись от одиночества, “найти человека” и с его помощью вновь себя обрести — вот какие бы действенные задачи ставил бы я перед исполнителем роли Репетилова. В том отрезке сценического времени, который ему отпущен, поздний гость успеха добиться не в силах; отказ Чацкого ранит его острее, чем кажется на первый взгляд, и Репетилов оказывается в положении не менее трагическом, чем молодой герой, перед которым еще не закрыто общественное попрание».